

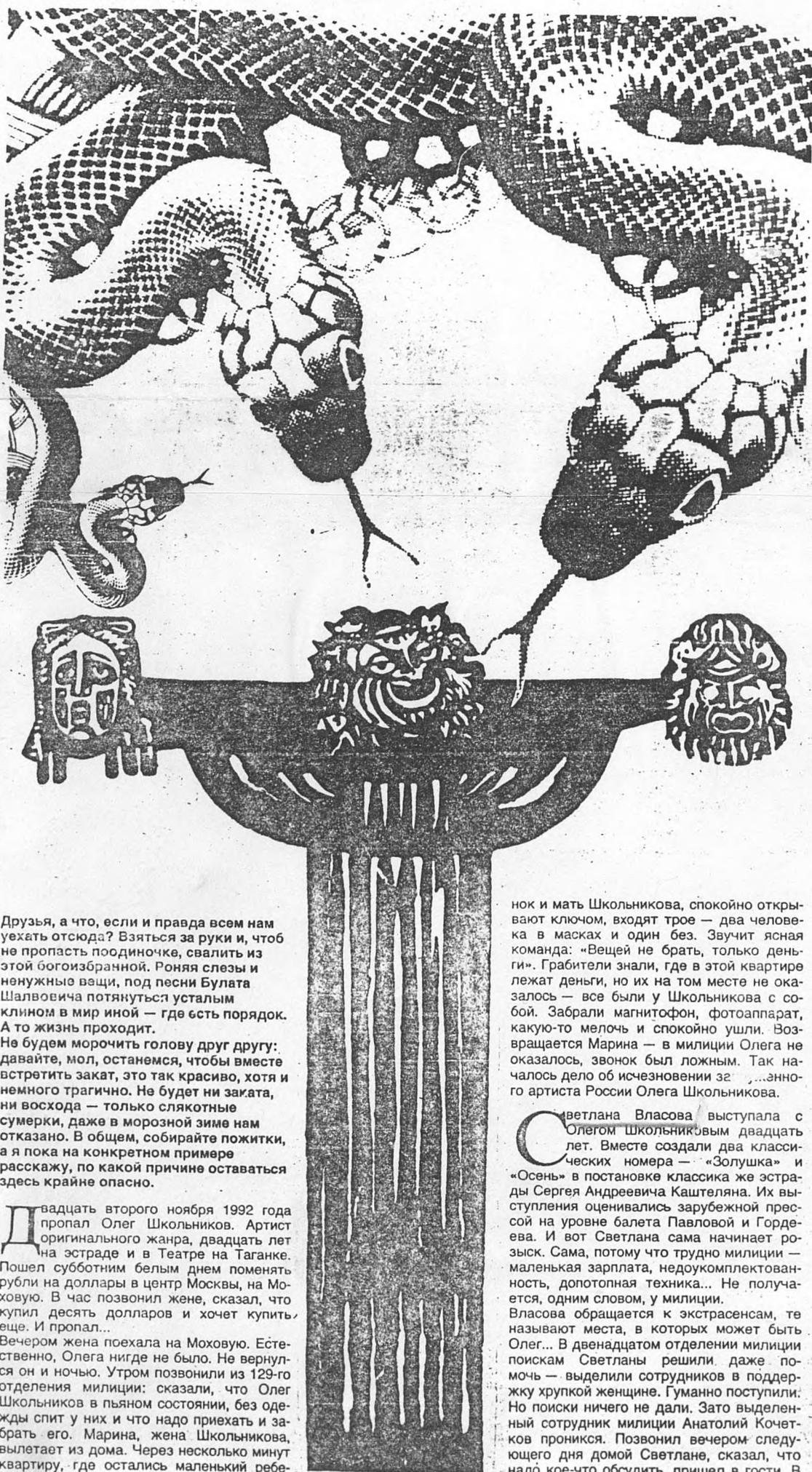
Благодаря Кобзону к делу подключились высокие чины МВД и Петровки.

12 □ Собеседник 5'93

Музы говорят, но и пушки не молчат... Убийство Талькова, разгромленные студии Березина и Муромова, бесчисленные «БМВ» и «девятки», угнанные у артистов разной степени популярности, вымогательства и ограбления. Казалось, можно вывести закономерность: в наше смутное, нестабильное время артистам, особенно популярным и горячо любимым народом, достается больше, чем рядовым гражданам. Выяснилось, что нет, не больше. Больше стало убийств, квартирных краж, разбойных нападений. Являясь неотъемлемой частью общества, творческие личности просто попали под увеличившийся процент от общего числа преступлений. Банально и пошло. Зато познавательно — на примере кумиров узнаешь, что может произойти с тобой. С единственной поправкой: выкрутиться у тебя шансов намного меньше, чем у Народного, Заслуженного или просто Очень Известного Артиста.

АРТИСТ, ЗАЩИТИ АРТИСТА

Милиция этого сделать сегодня уже не может

Друзья, а что, если и правда всем нам уехать отсюда? Взяться за руки и, чтоб не пропасть поодиночке, свалить из этой богоизбранной. Роняя слезы и ненужные вещи, под песни Булата Шалвовича потянуться усталым клином в мир иной — где есть порядок. А то жизнь проходит. Не будем морочить голову друг другу: давайте, мол, останемся, чтобы вместе встретить закат, это так красиво, хотя и немного трагично. Не будет ни заката, ни восхода — только слякотные сумерки, даже в морозной зиме нам отказано. В общем, собирайте пожитки, а я пока на конкретном примере расскажу, по какой причине оставаться здесь крайне опасно.

Двадцать второго ноября 1992 года пропал Олег Школьников. Артист оригинального жанра, двадцать лет на эстраде и в Театре на Таганке. Пошел субботним белым днем поменять рубли на доллары в центр Москвы, на Моховую. В час позвонил жене, сказал, что купил десять долларов и хочет купить еще. И пропал...
Вечером жена поехала на Моховую. Естественно, Олега нигде не было. Не вернулся он и ночью. Утром позвонили из 129-го отделения милиции: сказали, что Олег Школьников в пьяном состоянии, без одежды спит у них и что надо приехать и забрать его. Марина, жена Школьникова, вылетает из дома. Через несколько минут квартиру, где остались маленький ребе-

нок и мать Школьникова, спокойно открывают ключом, входят трое — два человека в масках и один без. Звучит ясная команда: «Вещей не брать, только деньги». Грабители знали, где в этой квартире лежат деньги, но их на том месте не оказалось — все были у Школьникова с собой. Забрали магнитофон, фотоаппарат, какую-то мелочь и спокойно ушли. Возвращается Марина — в милиции Олега не оказалось, звонок был ложным. Так началось дело об исчезновении 32-летнего артиста России Олега Школьникова.

Светлана Власова выступала с Олегом Школьниковым двадцать лет. Вместе создали два классических номера — «Золушка» и «Осень» в постановке классика же эстрады Сергея Андреевича Каштеляна. Их выступления оценивались зарубежной прессой на уровне балета Павловой и Гордеева. И вот Светлана сама начинает розыск. Сама, потому что трудно милиции — маленькая зарплата, недоукомплектованность, допотопная техника... Не получается, одним словом, у милиции. Власова обращается к экстрасенсам, те называют места, в которых может быть Олег... В двенадцатом отделении милиции поискам Светланы решили даже помочь — выделили сотрудников в поддержку хрупкой женщине. Гуманно поступили: Но поиски ничего не дали. Зато выделенный сотрудник милиции Анатолий Кочетков проникся. Позвонил вечером следующего дня домой Светлане, сказал, что надо кое-что обсудить, пришел в гости. В

следующий раз даже привел с собой друга — представил его как сотрудника уголовного розыска Петербурга.

— Они пришли вечером — Толя и Миша этот, — рассказывает Светлана Власова. — Миша такой огромный, глаза голубые-голубые. Кочетков говорит: давайте посидим, потолкуем, Миша, может, чем подмогнет, а то ему все равно пока сегодня некуда идти, буду его в гостиницу пристраивать. Я позвала подружку, чтобы одной с ними не оставаться. Ну и потом, думаю, может, действительно помогут — я только об Олге думала, хваталась за соломинку, только бы его найти. Мы сидели всю ночь на кухне, Миша периодически ходил звонить в комнату. Под утро ушли. Дело, по которому они якобы приходили, с места не сдвинулось. А через неделю, когда я захотела сменить сережки, — смотрю, нет не только бижутерии, но и драгоценностей, которые от мамы остались. Светлана позвонила в двенадцатое отделение, пожаловалась на Кочеткова. Мол, ваш сотрудник, которого вы любезно выдрили, меня обокрал. Не-е-ет, радостно ответили в милиции, он уже не наш сотрудник — сегодня подал заявление об уходе. На нем вообще еще два дела «висят» — о вымогательстве и небрежном обращении с табельным оружием: поранил, стало быть, кого-то.

Я с трудом себе представляю, что должна чувствовать женщина, которую, вместо того чтобы помочь, грабит сотрудник милиции вместе с громилой, всю ночь рассказывавшим про свою нелегкую судьбу «афганца». Так обычно поступают мародеры — но тут-то живая женщина, у которой случилась беда.

Бред на этом не закончился. В результате Власова все-таки встретила с Кочетковым в стенах отделения милиции, причем начальник оставил их наедине — разбирайтесь сами. От отчаяния Светлана попросила вернуть хотя бы часть вещей — память о маме. Кочетков тут же согласился. Сказал, что встретится с Мишей, которого, оказывается, знает не знает, и возьмет четыре (точно четыре, не больше?) интересующих Власову предмета. Придя в себя, Светлана все-таки сообщила, что дико за просто так дарить заурядным ублюдкам три миллиона, на которые тянули украденные драгоценности, бижутерия, французская косметика и т. д.

И она обращается на Петровку, к следователю Александру Иванову, который занимается делом Олега Школьникова. На субботу назначается операция по захвату Кочеткова с личным.

Такое впечатление, что элементы окончательного маразма присутствовали в каждом эпизоде этой трагической истории. Кочетков назначил встречу с Власовой на Цветном бульваре. С утра группа захвата оцепила район Цветного бульвара и наряды в засаде. Светлану снабдили скрытым записывающим устройством (перкодер называется), проинструктовали по полной программе. Задумывалась серьезная операция — получилось очень смешно.

Как опытный работник милиции, Анатолий Кочетков перехватил Власову на полпути. Хорошо, что поднабрешавшая от общения с правоохранительными органами Светлана вышла с подружкой — та, оценив оперативную обстановку, бросилась на Цветной предупредить «наших». Пока Светлана заговаривала зубы Кочеткову, тянула время, Нина бегала по всему бульвару и приставала к прохожим: вы с Петровкой из группы по задержанию Кочеткова? Один расстроился — а что, очень похож? Но узнав об изменившихся обстоятельствах, собрал команду и переместился поближе к месту событий.

Кочеткова в конце концов взяли. Принесенные вещи, о которых договаривались (4 предмета) изъяли, завели уголовное дело. Выяснилось, что Миша никакой не сотрудник питерского угро, а москвич Михаил Кондаков, проживающий на Юго-Западе. Его сразу и задержали. Завелось второе в этой истории уголовное дело.

Почему я так подробно рассказываю эту историю? Чтобы стало ясно как дважды два, что никто нас здесь не защитит, что слово «беспредел» слишком расплывчато, чтобы выразить нашу с вами правовую защищенность. Еще не ясно? Могу досказать продолжение истории. Кочеткова и Кондакова выпустили через два дня. Следователь Лариса Викторевна Иванова объяснила этот факт тем, что подозреваемые тоже люди. Власова обратилась за помощью к авторитетному человеку — Иосифу Давыдовичу Кобзону. Народный артист, поговорив с начальником следственного управления, в котором ведется дело, выяснил, что следственные изоляторы переполнены, поэтому преступников отпустили, взяв подписку о невыезде. Кобзон поговорил и с Толей Кочетковым — неформальным, после чего под следственным пришла в голову трезвая мысль: возместить потерпевшей ущерб. От этой благой мысли он, впрочем, через два дня отказался — впечатление от неформального разговора с Кобзоном, наверное, развеялось.

Толки с Мишей справили Новый год, Рождество, старый Новый год, перекантовались на Святки, погадали на Крещение... В их квартирах даже не произвели обыск после задержания. О том, что украденные вещи никто Власовой не вернул, я уже и не говорю...

Дело о пропаже артиста Олега Школьникова, которым занимается МУР, не двинулось ни на йоту. Есть версии (которые мне не сообщили, потому что не положено), но нет ни одной зацепки. Отпечатки пальцев в квартире Школьникова после налета есть, но наша идентификация позволяет определять преступника только по десяти (!) пальцам — двух то есть рук. Я не собираюсь мешать следствию, я не

стал выпытывать версии этого действительно странного дела, я даже не буду высказывать собственные предположения. В этой совершенно абсурдной ситуации родные и близкие Олега Школьникова надеются только на абсурдное продолжение: не то, что, может быть, Олег еще жив, может быть, он еще вернется...

Напомню, история эта произошла за заслуженными артистами республики (кстати, звание это Олег Школьников и Светлана Власова получили через два дня после того, как Олег пропал, оно «шло» к ним ровно десять лет). Что же делать тем, у кого нет знакомых на уровне Иосифа Кобзона? Можете вообще ни на что не рассчитывать. Если вы пропадете — вас никогда не найдут, если вы попадете в беду — вас может запросто ограбить оберегающий вас сотрудник милиции. У вас здесь нет шансов. Это не абсурд — это деградация нации, причем деградация, похоже, необратимая, нет ей ни конца ни края. Поэтому и нормальный совершенно совет: чтобы избавиться от этого кошмарного сна, надо проснуться где-нибудь в другом месте.

В самый трудный момент, когда надеяться было уже вроде и не на что, Светлана Власова обратилась не к генеральному прокурору, не в ООН — она пошла к Иосифу Кобзону, народному артисту СССР, человеку, о могуществе которого ходили легенды еще в застойные времена. Рассказывают, что Кобзон помогает всем артистам, несмотря на давние ссоры, творческие разногласия. Если дело действительно серьезное, Иосиф Давыдович находит самые эффективные способы решения проблемы. Так было и в этот раз: благодаря Кобзону к делу подключились высокие чины МВД, Петровки, следственного управления.

Созданный им на Петровке фонд «Щит и лира» помрагет работникам Министерства внутренних дел, хотя странная эта ситуация: влору не артистам защищать милицию, а наоборот — так как-то естественно.

— Все-таки артисты находятся не на боевом посту, поэтому погибают или становятся инвалидами не так часто, как работники внутренних органов. — Иосиф Кобзон выкроил время для интервью. — В творческой среде существует Союз театральных деятелей, который заботится об актерах, есть так называемая международная организация концертных исполнителей. Но она, к сожалению, не обладает достаточными средствами, чтобы организовать подобный фонд.

— Вы говорите, что с артистами несчастия случаются не так часто, как с милиционерами. Во-первых, это естественно, не хватало еще, чтобы певцы, актеры и художники погибли наравне с солдатами. Во-вторых, лично мне кажется, что люди искусства стали сегодня удобной мишенью: они на виду, профессия заставляет их даже в обыденной жизни выделяться из толпы: хорошо одеваться, окружать себя дорогими, красивыми вещами. Может быть, поэтому сегодня артисты все чаще испытывают на себе криминальные «прелести» нашей жизни?

— Я не думаю, что это отдельная проблема. Артистов грабят так же, как и остальных граждан. Просто раньше воровском мире существовали неписанные законы... Помните приказ Мишки-Япончика: артистов и врачей не трогать! Теперь трогают всех подряд.

— Куда же делись неписанные законы воровского мира, что себе думают «крестные отцы» нового поколения?

— Да мне кажется, они сами растерялись и уже не контролируют ситуацию. И вот вылезла эта саранча, которая стрижет все, что находится на поверхности. Духовная деградация коснулась и преступного мира.

— Вам не кажется, что существует организованная структура, которая «специализируется» на богеме?

— Нет, мне так не кажется. Возможно, работают наводчики, но им все равно, кого отслеживать — известного певца или председателя банка. Главное — определить достаток объекта.

— И все-таки, мне кажется, артисты должны защищаться — ведь что-то же делать надо.

— А что делать? Создавать армию по защите эстрадных певцов? Абсурд. В рамках закона никакой централизованной силы по защите артистов быть не может. Остаются неформальные силы — личная охрана. Нынешние молодые исполнители к ней и прибегают. Но это могут позволить себе лишь единицы. К тому же случай с Тальковым показал, что и личная охрана далеко не всегда эффективна.

— Насколько я знаю, в деле Светланы Власовой вы прибегли к «неформальным» силам?

— Да, пришлось оказать силовое давление. А что делать, если начальник следственного управления, где ведется это дело, товарищ Журавлев заявил мне, что еще надо доказать вину задержанных, в которой они уже признались. И где гарантии, что на свободе эти два преступника до решения суда не совершат еще какое-нибудь преступление или не отомстят той же Власовой? Я беседовал с Кочетковым, с его женой — они клялись и божились, что возместят ущерб, продадут квартиру — только чтобы мы не раздували дело. Пока никаких результатов. И если даже суд накажет преступников, нет никакой гарантии, что украденные вещи Власовой возвратят.

— Какой же выход?
— А никакого выхода нет. Пока милиция будет бороться с единичными кражами, наказывать за отдельные убийства, а не искать и ликвидировать кланы, которые руководят преступлениями, — ничего и не изменится.

Николай ФОХТ.
Коллаж Аршака ОГАНЕСЯНА.